

СОДЕРЖАНІЕ I ВЫПУСКА.

Предисловіе.	стр.
ПУШКИНЪ	5—31
Цыганы	5.
Полтава	6.
Мѣдный Всадникъ	8.
Домикъ въ Коломнѣ	11.
Евгеній Онѣгинъ	12.
Скупой Рыцарь	22.
Моцартъ и Сальери	24.
Каменный Гость	25.
Пиръ во время чумы	28.
Анджело	30.

ЛИРИКА И ПРОЗА ПУШКИНА
ВЪ СЛѢДУЮЩЕМЪ ВЫПУСКѢ.

В. ПЕРЕМИЛОВСКІЙ

Б Е С Ъ Д Ы О РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРѢ

ПУШКИНЪ — ЛЕРМОНТОВЪ
— ГОГОЛЬ — ТУРГЕНЕВЪ —
ГОНЧАРОВЪ — Л. ТОЛСТОЙ

П Р А Г А
1 9 3 4

ИЗДАНИЕ „РУССКО-МАНЬЧЖУРСКОЙ КНИГОТОРГОВЛИ“ ВЪ ХАРБИНѢ

ПРЕДИСЛОВІЕ

Эмигрантская молодежь (ее главным образом имѣетъ въ виду составитель книги) воспитывается и живетъ въ условіяхъ, ничего общаго не имѣющихъ съ тѣми, въ какихъ росла русская до-революціонная молодежь. И всё-таки, насколько это составителю извѣстно, преподаваніе въ русскихъ эмигрантскихъ школахъ, въ частности, преподаваніе русск. яз. и словесности, продолжается въ томъ же видѣ и духѣ, какъ будто за эти скоро уже 20 лѣтъ съ нами ничего не случилось, развѣ что перемѣнились одни небеса, всё же остальное осталось и остается по-прежнему, такъ что можно безъ хлопотъ и дальше пользоваться Саводникомъ, а кое-гдѣ даже и Незеленовымъ! А между тѣмъ вѣдь юноши и дѣвушки, нынѣ посѣщающіе эмигрантскую школу, уже не застали Россіи — фактъ, который съ каждымъ лишнимъ годомъ эмиграціи будетъ всё болѣе и болѣе усложнять и утруднять русское воспитаніе и образованіе этой молодежи. Уже этого одного достаточно, чтобы эмигрантская школа была, наконецъ, перестроена по-новому, примѣнительно и къ новымъ условіямъ русской жизни за границей, — въ частности, преподаваніе русской литературы. Ибо что можетъ дать эмигранту-учащемуся та «исторія» русской литературы, которая проходила въ Россіи и которая продолжаетъ проходить и въ эмиграціи, — особенно, когда это, якобы, историческое изученіе памятниковъ литературы ограничивается простымъ заучиваніемъ словъ учебника, безъ знакомства съ самими произведеніями! Или зачѣмъ юношѣ, жаждущему узнать, представить себѣ невѣдомую страну его родителей, его отцовъ, зубрить эти трафаретные абзацы учебниковъ о вліяніяхъ Оссіана, Шатобріана, Байрона, Шеллинга, Гегеля и т. д., чтб, по мѣткому слову Г. Адамовича, развѣ только къ верхоглядству можетъ приучить юношу! Или еще: какой смыслъ и оправданіе въ наши дни можетъ имѣть не ослабѣвающее благородное рвеніе учебниковъ и преподающихъ по нимъ учащихся въ вопросѣ о крѣпостномъ правѣ, гдѣ до сихъ поръ гремятъ ужасы крѣпостничества, какъ будто въ свое время авторы обличительныхъ произведеній писали листовки или прокламаціи, а не живую жизнь и живыхъ людей! А вѣдь нѣтъ для человѣка на свѣтѣ ничего болѣе интереснаго, чѣмъ самъ человѣкъ и его жизнь, — вѣдь только этимъ вѣчнымъ интересомъ и обеспечивается искусству его вѣчное торжество! Но наша школа совершенно забывала и забываетъ это основное положеніе: заниматься произведеніями — самими, въ чемъ и заключается весь интересъ изученія литературы. — Поэтому изучаться должно лишь самое крупное, самое выдающееся, самое цѣнное въ русской литературѣ (а матеріаломъ, слава Богу, мы настолько богаты, что хватитъ на весь учебный курсъ — съ избыткомъ!). Подумайте, какое горделивое сознаніе родится у юноши-эмигранта, когда,

оглядываясь на усвоенныя имъ произведетя родной литературы, онъ увидить величественную, въ дали вѣковъ теряющуюся цѣпь бѣлоспѣжныхъ вершинъ духа и мысли! — А гоняясь за научностью, за историчностью, за полнотой, за энциклопедичностью, мы въ своей школѣ изъ всѣхъ предметовъ создали для учащихся только скуку. Вѣдь потому, главнымъ образомъ, и возникали литературные ученическіе кружки, что школьное преподаваніе словесности не удовлетворяло юность. — Что можетъ быть увлекательнѣе литературы, и, въ то же время, что можетъ быть скучнѣе, унылѣе и неинтереснѣе учебниковъ этой литературы! А между тѣмъ, если уже всякое знаніе можетъ и должно возбуждать живой интересъ къ себѣ, то изученіе русской литературы, казалось бы, должно было энтузіазмъ рождать въ учащихся! — Руководясь — въ мѣру своихъ силъ — этой цѣлью: возбуждать интересъ къ русскимъ писателямъ и ихъ произведеніямъ, составитель меньше всего имѣлъ въ виду сказать о нихъ «свое» и непремѣнно «новое» слово. Если для даннаго произведенія ему казались наиболѣе убѣдительными сужденія, скажемъ, Мережковского, Гершензона, Брюсова или еще кого-нибудь, онъ ихъ и излагалъ, не видя въ этомъ для себя ничего зазорнаго. Если же свой взглядъ казался ему вѣрнѣе, онъ давалъ свое толкованіе. А такъ какъ настоящая книга ни въ какой мѣрѣ не претендуетъ быть учебникомъ или руководствомъ по русск. литературѣ, то иногда въ ней одно произведеніе, и незначительное по объему (напр., «Выстрѣлъ» Пушкина), болыше привлекало вниманіе составителя, чѣмъ другое, гораздо крупнѣе и значительнѣе, напр., «Полтава», а третье, какъ «Борисъ Годуновъ», и вовсе не разсматривается (пока, по крайней мѣрѣ). Въ одномъ случаѣ составитель анализировалъ содержаніе произведенія, по поводу другихъ ограничивался комментариемъ къ ихъ возникновенію, потому что содержаніе, ну, хоть той же «Полтавы», долженъ знать каждый и эмигрантскій юноша, а то внутреннее побужденіе, которое толкнуло Пушкина къ этой темѣ, будучи полно живѣйшаго интереса, не каждому извѣстно и расширяетъ пониманіе этой поэмы Пушкина. — Книга эта возникла, какъ пособіе для учениковъ составителя, когда въ Моравской Тржебовѣ онъ велъ свой классъ съ 1926 по 1930 уч. г. Нынѣ, выпуская свои записки въ печатномъ видѣ, составитель внесъ въ нихъ нѣкоторыя измѣненія и устранилъ изъ нихъ все то, что имѣло непосредственное отношеніе къ его ученикамъ, — всё же, попадающіяся мѣстами обращенія къ своимъ слушателямъ онъ не рѣшился изъять изъ книги совсѣмъ, какъ слишкомъ ему дорогія воспоминанія о часахъ этихъ незабвенныхъ бесѣдъ съ любимымъ классомъ. — Въ заключеніе составитель считаетъ пріятной для себя обязанностью выразить проф. С. В. Завадскому сердечную благодарность за сдѣланныя имъ цѣнныя указанія и замѣчанія.

П У Ш К И Н Ъ.

1823—1824

Ц Ы Г А Н Ы

Этой поэмой заключается циклъ романтическихъ южныхъ поэмъ Пушкина («Цыганы» начаты въ Одессѣ, кончены въ с. Михайловскомъ), и это же — его первое произведение, которое плѣняетъ насъ уже не одной только совершенной формой, но и вложенной въ него «мудростью Пушкина» (терминъ М. Гершензона). — Проблема «Цыганъ» та же, что и «Кавказскаго плѣнника»: бѣгство культурнаго человѣка отъ современной культуры. — «Плѣнникъ» попадаетъ къ дикимъ торцамъ, какъ военная добыча, Алеко же къ цыганамъ — по собственному желанію. Но въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» проблема лишь намѣчена, а въ «Цыганахъ» она разрѣшена. Уже давно замѣчено, что, т. называемый, прогрессъ, т. е., развитіе культуры, — на ряду съ несомнѣнными благами, несетъ съ собою порчу и упадокъ нравовъ, развращенность, утрату естественныхъ человѣческихъ побужденій и чувствъ. А такъ какъ это развитіе культуры внѣшне выражается все болѣе широко въ подчиненіи силъ природы человѣку, то послѣднее и выставляется причиной все увеличивающейся въ культурномъ обществѣ порчи нравовъ, и имъ же подсказывается и путь спасенія отъ этой грозящей въ концѣ концовъ обществу гибели: опять вернуться, приблизиться къ матери-землѣ, по-Толстовски — «опроститься». Такимъ «толстовцемъ», предшественникомъ Оленина, и является Пушкинскій Алеко. — Богато одаренная личность (прообразъ Онегина), онъ не вынесъ «неволи душныхъ городовъ» и бросился на свѣжій воздухъ вольной жизни кочующихъ цыганъ. Однако, если въ городѣ Алеко переживалъ драму, то въ таборѣ его ждала трагедія. Потому, что шагъ Алеко — въ корни не вѣреть, потому что выхода изъ круга не дано. Такъ поѣздъ, несущійся по назначенной ему правой колеѣ, благополучно пролетаетъ горы, рѣки, поля и лѣса, неуклонно приближаясь къ своей конечной стаянціи, но, переведя себя на лѣвую колею, онъ понесется навстрѣчу вѣрной катастрофѣ и крушенію. Такъ дѣти кочующихъ киргизовъ, попавъ въ русскую школу, въ городъ, на глазахъ чахнутъ и хирѣютъ и, несмотря на блестящія способности, не могутъ ее окончить. — Культурный Алеко захотѣлъ произвольно измѣнить свой жизненный путь — вернуться въ первобытное, примитивное состояніе; но, выросшій и воспитанный въ самомъ центрѣ культурной жизни, онъ уже ею зараженъ и заряженъ, и, попавъ къ дикимъ цыганамъ, онъ не ассимилируется имъ, — напротивъ,

онъ въ ихъ патріархальную жизнь вносить эту свою культурную зараженность и заряженность. При первомъ же случаѣ происходитъ взрывъ и катастрофа. Въ вопросѣ любви Алеко такъ и не могъ снискаться (или возвыситься?) до точки зрѣнія Земфиры и Старика, и убиваетъ жену и соперника... — Словно, чтобы ярче иллюстрировать и провѣрить этотъ законъ человѣческой жизни, Пушкинъ влагаетъ въ уста Старика знаменитый рассказъ объ Овидіи (а не для одной лишь аналогіи между собственной изгнаннической судьбой и судьбой ссыльнаго римскаго поэта!). — Овидій родился и жилъ въ пору наивысшаго расцвѣта Рима, но и въ пору его уже грозно обозначавшагося упадка. Онъ, какъ и Алеко, — продуктъ утопченной, высшей городской культуры. И вотъ, онъ тоже попалъ къ далекимъ дикарямъ, сосланный разгнѣваннымъ императоромъ. Однако, въ противоположность Алеко, онъ не тяготился этой латинской культурой, хотя, конечно, могъ бы тоже повторить, вслѣдъ за Алеко, характеристику «душныхъ городовъ»; онъ и въ ссылкѣ, среди простыхъ людей, томился о ней, прославлялъ ее. И все-таки, тоскуя среди дикихъ гетовъ о своемъ Римѣ, онъ оказался у нихъ «святымъ старикомъ», котораго они трогательно полюбили и почитали. — Благородный и умный Алеко никѣмъ не былъ сосланъ въ Бессарабію, но по собственной волѣ покинулъ привычную среду, чтобы жить въ «дикой долѣ», — и что же? Очутившись среди мирныхъ цыганъ, онъ уже черезъ два года сталъ убійцей, преступникомъ! Въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ два человѣка высшей культуры стали однимъ, который за нее держался, — святымъ, другой, отъ нея отрекшійся, — преступникомъ. — Вотъ для чего введенъ рассказъ объ Овидіи. Это значитъ: да, человѣкъ, приобщившійся культуры, будетъ все дальше и дальше уходить отъ первоначальной простоты и невинности. Объ этомъ можно жалѣть, на это можно пенять, съ этимъ нужно бороться, но не самочиннымъ уходомъ изъ своей среды, потому что такой шагъ безнаказанно не сойдетъ. Надо принять эту культурную жизнь, въ которую мы включены самымъ рожденіемъ, и здѣсь, въ ней же, работать надъ ея совершенствованіемъ, надъ ея облагораженіемъ. —

ПОЛТАВА Въ 1825 г. вышла поэма Рылѣева «Войнаровскийъ». Въ ней, за три года до Пушкинской «Полтавы», рассказывается о казни Кочубея съ Искрой, о мятежѣ Мазепы, о Полтавской битвѣ, но, въ соответствии съ заглавіемъ, центральнымъ лицомъ и событіемъ въ poemѣ является племянникъ и соратникъ Мазепы — Войнаровскийъ, его жизнь и смерть (въ Сибири). — По поводу «Войнаровскаго» Пушкинъ писалъ кн. Вяземскому, что у Рылѣева «есть какой-то тамъ палецъ съ засученными руками, за котораго я бы дорого